

УДК 94(470+571) «18/19»
ББК 63.3(2)6
Н 90

Е.С. Нухрикян,

соискатель кафедры истории России Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева, г. Карачаевск, тел.: +79283447574, e-mail: nys-82@mail.ru

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЯ И БАЛКАРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (60-е гг. XIX в. – НАЧАЛО XX в.)

(Рецензирована)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность судебных органов в общественно-политической и социально-экономической жизни горских обществ Карачая и Балкарии в пореформенный период. Исследуется проблема применения судами разных видов права (адат, шариат, имперские законы). Дана оценка процессу постепенной замены традиционных норм права новыми, более прогрессивными законами в исследуемый период.

Ключевые слова: пореформенный период, Карачай, Балкария, горские общины, суды, адат, шариат, имперское законодательство, традиции и новации.

E.S. Nukhrikyan,

Applicant of History of Russia Department, Karachay-Cherkess State University named after U.D. Aliev, Karachaevsk, ph.: +79283447574, e-mail: nys-82@mail.ru

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN ACTIVITY OF JUDICIAL AUTHORITIES IN THE TERRITORY OF KARACHAY AND BALKARIA DURING THE POST-REFORM PERIOD (THE 1860S – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

Abstract. The paper deals with the activity of judicial authorities in social, political and economic life of mountain societies of Karachay and Balkaria during the post-reform period. The problem of application by courts of different types of the right (an adat, Sharia, imperial laws) is investigated. The assessment is given to process of gradual replacement of traditional rules of law with new, more progressive laws during the studied period.

Keywords: post-reform period, Karachay, Balkaria, mountain communities, courts, adat, Sharia, imperial legislation, traditions and innovations.

В рамках социально-экономического развития Российской империи в пореформенный период в жизнедеятельности горских обществ Кубанской и Терской областей возросла роль судебных и административных органов в раз-

решении конфликтных ситуаций среди населения. Как представляется, имперские власти в регионе учитывали то обстоятельство, что «правовая ментальность как сложное явление отражается во всех элементах структуры право-

сознания», а ее «характерными выражениями в конкретном обществе являются юридическое мировоззрение или правовой идеализм и правовой нигилизм» [1; 43]. В связи с этим руководство страны старалось в определенной степени учитывать горскую специфику. К местным судебным органам относились сельские и региональные суды (на Кубани – уездные, на Тереке – окружные горские словесные суды). Значительную работу в разрешении различных спорных ситуаций среди горцев выполняли горские словесные суды (ГСС). Они осуществляли свою деятельность в соответствии с «Временными правилами для горских и словесных судов Кубанской и Терской областей» – документом, который был утвержден наместником на Кавказе 18 декабря 1870 г. Председателем ГСС по должности являлся: в Кубанской области – начальник уезда (отдела), в Терской области – ее начальник. Все члены суда (депутаты) – избирались от сельских обществ.

Данная судебная реформа, отмечает исследователь Ж.А. Калмыков, ставила своей целью «приблизить местные судебные органы и порядок судопроизводства к общеперсскому органам». Данными мероприятиями, продолжает ученый, «на местное горское население постепенно распространялось Российское законодательство», что было «положительным явлением, так как русское законодательство второй половины XIX века в большей степени отвечало новым условиям жизни горцев, сложившимся после отмены крепостного права» [2; 28].

В соответствии с утвержденными «Временными правилами» ГСС мог осуществлять судебное разбирательство гражданских исков в размере денежных сумм, не превышающих 2000 руб. (ст. 14), в том числе:

1) иски, которые ст. 29-я имперского Устава гражданского судопроизводства относил к ведению ми-

рового судьи, за исключением тех, которые были подведомственны аульным (сельским) судам (ст. 13);

2) иски «по долговым обязательствам, обеспеченным залогом недвижимого имущества, и о праве собственности на недвижимое имущество, когда иски эти не основаны на формальном акте»;

3) иски «о наследстве, о разделе наследства и спорах наследников, как между собой, так и против действительности духовных завещаний, составленных по горским обычаям» (ст. 14);

4) любой иной «спор и иск гражданский, если обе тяжущиеся стороны будут просить» горский суд о его решении и «удостоверять письменно, что лишают себя права обжаловать решение» (ст. 15).

Проведенная судебная реформа предполагала введение определенных новшеств, которые, в свою очередь, получили отражение в указанном выше судебном документе. Так, например, «Временными правилами» допускалась передача дела из ГСС в вышестоящую судебную инстанцию – окружной суд, если на то имелось взаимное согласие сторон, участвующих в тяжбе (ст. 16). Во «Временных правилах» было зафиксировано, что ГСС «разбирает дела устно и публично», за исключением закрытого формата, предусмотренного в отношении дел, связанных с семейными отношениями, а также по взаимному согласию сторон – по решению суда (ст. 22).

Вне компетенции ГСС находились такие иски, которые были связаны «с интересом казенных управлений», а также с участием (в качестве истца или ответчика) лица, не принадлежащего к горскому населению. Данные иски относились к юрисдикции мирового или окружного суда, «смотря по роду и цене иска» (ст. 17). Исковые документы подавались «лично или через поверенных словесно или письменно на простой бумаге» (ст. 26). Все гражданские дела в ГСС

разбирались «изустно и публично» (ст. 22) и решались большинством голосов, а при разделении голосов поровну проходило то мнение, за которое выступал председательствующий (ст. 24).

В практической деятельности отдельных горских судов нередко были споры о подсудности: в таком случае дело решал непосредственно начальник области. Если имелись споры между ГСС и мировым судьей (или судебным следователем), дело передавалось в окружной суд; что же касается споров между ГСС и окружным судом, то их рассматривала Тифлисская судебная палата (ст. 19).

Апелляционной инстанцией для ГСС выступал начальник области, но соответствующая жалоба в месячный срок передавалась сначала начальнику того округа (уезда), на территории которого располагался ГСС (ст. 60); тот в недельный срок должен был передать дело с апелляционной жалобой «и всеми документами» начальнику области (ст. 61), решение которого являлось окончательным (ст. 63). В том случае, если по гражданским делам цена иска не превышала 100 рублей, решение ГСС считалось окончательным (ст. 56).

Далее, ст. 78-я «Временных правил» наделяла ГСС нотариальными функциями в тех «занятых горским населением местностях, где нет нотариусов». В частности, ГСС мог заверять те акты (совершаемые горцами), которые, согласно ст. 2-й Положения о нотариальной части, возлагались на мировых судей [3; 309-321].

Примечательно, что давность срока по всем гражданским делам была установлена «Временными правилами» в десять лет (ст. 44) [3; 309-321]. Данное обстоятельство представляется необходимым особо отметить, так как в карачаево-балкарских адатах не существовало понятия давности лет по имущественным делам. В этой связи исто-

рик Н.С. Иваненков писал, что применительно к правам частного землевладения «в Карачае нет понятия о давности, а потому здесь нельзя потерять право на землю, за исключением выморочности рода, но и этого не бывало» [4; 44]. Согласно материалам из дореволюционных источников, «обряд (т.е. обычай, адат – *Е.Н.*) балкарского народа допускает иметь исковые претензии на несколько десятилетий» [5; 34-36]. В этом отношении введение понятия давности дел по линии практики ГСС следовало считать прогрессивной инновацией.

В сфере имущественных отношений населения горских общин нередко были случаи, когда невозможно было решить отдельные сложные дела из-за того, что они по известной тогда бюрократической практике неизменно курсировали между судебными и административными инстанциями. Наряду с другими вопросами имущественных отношений среди горцев это касалось судебных разбирательств, центральной темой в которых выступала проблема опекунов. «Временные правила для горских и словесных судов Кубанской и Терской областей» от 18.12. 1870 г. устанавливали, что к компетенции ГСС относятся без исключения дела «по опеке над лицами, принадлежащими к горскому населению, и имуществами, оставшимися после горцев» (ст. 72), в том числе выбор опекунов:

– над малолетними детьми и их имуществом, «когда духовным завещанием не назначено им таковых, или когда назначенные опекуны не оправдали своего назначения»;

– над именными владельцев, «не могущих почему-либо управлять своею собственностью, как-то: умалишенных, расточительных и проч.»;

– над именными владельцев, «находящихся в далеком и долгом отсутствии, если только не будет дознания, что «лица, которым

от таковых владельцев поручено управление имением, недостаточно пекутся о целости и улучшении его» (ст. 73). «Временными правилами» определялось, что ГСС выбирает, а начальник округа (уезда) утверждает опекунов из числа благонадежных лиц, которые соответствуют этому назначению (ст. 74).

В соответствии с указанными выше положениями, каждый опекун был обязан ежегодно (не позднее 1 марта) представлять в горские словесные суды «для поверки отчеты по управлению порученными им имениями за истекший год». В случае необходимости для проверки ГСС мог «командировать одного из депутатов суда» (ст. 75). Жалобы на постановления суда, касающиеся дел опекунов, направлялись начальнику области через окружного (уездного) начальника (ст. 76). В случае, если дело по опекунов прекращалось, имения освобождались от какой-либо опеки (соответствующее решение по данному вопросу принимал начальник округа (ст. 77) [3; 309-321].

Примечательно, что во властных структурах стремились представить общественности дело таким образом, что судебные органы осуществляют свою деятельность «исключительно на справедливой основе». Так, например, в отчете начальника Терской области за 1881 год утверждалось, что коренное население относится к горским словесным судам «с доверием и уважением» и что личный состав горских судов «отличается строгостью и правдивостью в отправлении правосудия» [6; 165]. Между тем, в действительности все было иначе. По свидетельству историков В. Миллера и М. Ковалевского, побывавших в горских обществах в 1883 г., им «неоднократно приходилось слышать жалобы на разорение, причиняемое жителям горскими судами». Более того, «по мнению самих членов этих судов, горцев по происхождению, правительство не

могло бы оказать большей услуги туземцам, как приступив к немедленному закрытию этих очагов взяточничества и волокиты». Причиной такого положения дел исследователи считали то, что небольшому по численности (3 члена) суду приходилось, кроме многих сугубо судебных разбирательств, заниматься также «делами нотариальными и делами бывших опекунских советов» [7; 541-588].

Деятельность сельских судов в Балкарии осуществлялась на основе «Положения об аульных общественных управлениях Терской области», которое начало действовать с 1868 г. Эти общественные управления состояли из аульных судей, избираемых общественным сходом в количестве, «которое признавалось необходимым, но не менее трех человек». Разбирательство дела осуществлялось в словесной форме на основании жалобы истца. Сумма иска по гражданским делам, рассматриваемым аульными судами, не должна была превышать 100 рублей, а денежные штрафы поступали в аульную казну («общественную сумму») [6; 114-115]. Что касается Карачая, то там первые выборные сельские суды были сформированы в 1867 г. [8; 92].

В конце декабря 1870 г. наместником на Кавказе было утверждено «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Кубанской области». Один из разделов документа был посвящен сельскому суду, в компетенции которого находилось разбирательство мелких судебных дел стоимостью не более 30 рублей (начальник области мог увеличить указанную сумму до 50 рублей). Это были споры и тяжбы между членами аульного общества «как о движимом и недвижимом имуществе в пределах сельского надела, так и по займам, покупкам, продажам и всякого рода обязательствам и сделкам», а

также дела «по вознаграждению за убытки и ущерб, имуществу причиненные» (п. 36). Кроме того, в ведении аульного суда находились «маловажные проступки» против имущества, совершенные в пределах данного аульного общества [3; 332-336]. Отмечая высокую значимость работы аульских судов для местного населения, в начале 1900 г. участковый начальник Хумаринского поселения отмечал, что «сельские суды с увеличением прав их по гражданским делам до 50 рублей значительно облегчили горский суд» [9; 193]. Таким образом, у населения накапливался опыт судебных решений имущественных коллизий, что играло важную роль в становлении гражданских начал в горской среде.

В процессе введения новшеств в судебное делопроизводство в горских обществах постепенно уходили в прошлое старые, традиционные обычаи. Хотя некоторые из них, касающиеся уголовных преступлений, а также посягательства на личное имущество горцев, продолжали еще действовать. В этой связи в 1890-е гг. областные власти отмечали, что в Карачае бытует «вредный обычай, так называемый «эркелеген», в силу которого пойманный вор может кончить дело с потерпевшим добровольной сделкой; в силу этого обычая, меры к открытию виновного для привлечения к ответственности не достигают цели». Исходя из этих фактов, был сделан вывод о том, что «кадии, муллы и старшины должны разъяснить народу несостоятельность такого обычая, защищаю-

щего порочных людей» [10; 75-89]. Администрация считала неприемлемой любую практику какой-либо досудебной сделки по делам преступлений против имущества. В этих жестких условиях постепенно рушились прежние обычаи горской родовой и семейной солидарности. Об этом также свидетельствовали факты судебной тяжбы между родителями и детьми, что было немислимо в традиционном обществе [4; 86-87]. Личный интерес во время таких разбирательств ставился выше родовых принципов (подать в суд на своего сородича стало естественным действием в защиту собственных прав), которые стали носить формальный характер. С другой стороны, правовая регуляция имущественных отношений в определенной степени осложнялось тем, что при обороте имущества использовались как имперские, так и местные правовые нормы. Зачастую они противоречили друг другу, но, в конечном счете, побеждали имперские правовые нормы [4; 86-87].

Таким образом, после присоединения горских обществ к Российской империи (в особенности к началу XX в.) традиционный горский адат успешно вытеснялся из гражданского права общероссийскими законами и шариатом. В этом отношении, на наш взгляд, приведенные выше материалы объективно иллюстрируют те качественные сдвиги в правосознании, которые произошли в горской среде за несколько десятилетий приобщения к русско-европейской правовой культуре.

Примечания:

1. Богатырева В.В. Истоки формирования правовой ментальности кубанских казаков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. Майкоп, 2014. Вып. 1. С. 43-46.

2. Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии: (конец XVIII – начало XX века). Нальчик: Эльбрус, 1995. 128 с.

3. Кубанский календарь на 1902 год / под ред. С.В. Руденко. Екатеринодар, 1901. 532 с.

4. Иваненков Н.С. Карачаевцы. Доклад, прочитанный на общем собрании членов «Общества любителей изучения Кубанской области» 28 ноября 1908 г. // Известия «Общества любителей истории Кубанской области». Екатеринодар, 1912. Вып. V. С. 25-91.

5. Документы по истории Балкарии. 40-90 гг. XIX в. / сост. Е.О. Крикунова. Нальчик: Кабардино-Балкар. кн. изд-во, 1959. 262 с.

6. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: сельская община. Нальчик: Эльбрус, 1997. 176 с.

7. Миллер В., Ковалевский М. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. СПб., 1884. Кн. 4, апрель. С. 541-588.

8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 774. Оп. 2. Д. 131.

9. Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790-1917): сб. документов. Ростов н/Д, 1985. 287 с.

10. Кубанская справочная книжка. Екатеринодар, 1894. 628 с.

References:

1. Bogatyryova V.V. The origin of the legal mentality of Kuban Cossacks // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology. Maikop, 2014. V. 1. P. 43-46.

2. Kalmykov Zh.A. Establishment of the Russian administration in Kabarda and Balkaria: (end of the 18th – beginning of the 20th century). Nalchik: Elbrus, 1995. 128 pp.

3. Kuban calendar for 1902 / Ed. by S.V. Rudenko. Ekaterinodar, 1901. 532 pp.

4. Ivanenkov N.S. The Karachays. Report made at the general meeting of the members of the “Society of fans of the study of Kuban area” November 28, 1908 // Proceedings of “Society of fans of the study of Kuban area”. Ekaterinodar, 1912. V. V. P. 25-91.

5. Documents on the history of Balkaria. 40-90s of the 19th century / Comp. by E.O. Krikunova. Nalchik: Kabardino-Balkarian publishing house, 1959. 262 pp.

6. Bitova E.G. Social history of Balkaria of the 19th century: rural community. Nalchik: Elbrus, 1997. 176 pp.

7. Miller V., Kovalevsky M. In mountain societies of Kabarda // Bulletin of Europe. SPb., 1884, April. Book 4. P. 541-588.

8. State Archives of Krasnodar Territory (GAKK). F. 774. Op. 2. D. 131.

9. Socio-economic, political and cultural development of the peoples of Karachai-Cherkessia (1790-1917). Collection of documents. Rostov-on-Don, 1985. 287 pp.

10. Kuban reference book. Ekaterinodar, 1894. 628 pp.